

Ирина Бугаева

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ул. Новокузнецкая 23-б, 115184 Москва, Россия

Тел.: (7495) 603 37 16

E-mail: bugaevaiv@mail.ru

АГИОТОПОНИМЫ: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ОТРАЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

*Статья посвящена анализу сакральной топонимики как средства выражения религиозного мировоззрения – того, что сегодня принято называть ментальностью или менталитетом. Определения менталитета и ментальности остаются дискуссионными, но во всех существующих толкованиях при их разнообразии и различии отсутствует один важный компонент – религиозный. В статье рассматривается соотношение агитопонимов и сакральных топонимов, что иллюстрируется примерами из художественной литературы и разговорной речи. Приводятся уточненные определения терминов **агионим**, **агитопоним**, **агиоантропоним**, впервые дается определение **фестонима** как термина, обозначающего праздники в структуре ономастики. Автор приходит к выводу, что сакральную топонимику составляют агитопонимы, восходящие к теонимам и агиоантропонимам по своему происхождению, а также прецедентные топонимы, содержащие в своей структуре религиозную семантическую долю. Все топонимы, входящие в разряд сакральной топонимики, обладают лексическим фоном, знание которого необходимо для адекватного понимания текстов религиозной тематики*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сакральная топонимика, агионим, теоним, агиоантропоним, ментальность, фоновые знания.

Проблемы ментальности и ее выражение в языке и речи с давних времен находятся в центре внимания исследователей. Сначала ученые рассматривали связь языка и мышления (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ), позже занимались «логическим анализом языка» (Н. Д. Арутюнова), пока ментальность не выделилась в самостоятельную научную проблему. (В. В. Колесов). До сих пор нет общего определения менталитета и ментальности. Многочисленные формулировки основываются на различных концепциях, проанализировав которые, В. В. Колесов приходит к заключению, что «менталитет и ментальность отличаются друг от друга различным

составом своих содержательных форм» (Колесов 2004, с. 11). Менталитет «в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» (Колесов 2004, с. 15). А ментальность – это «миросозерцание в кате-

гориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» (Колесов 2004, с. 15).

Несмотря на приведенное определение нельзя говорить о том, что существует некое единое понимание этих понятий. В дефинициях же, представленных в научной литературе, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется одному из важнейших компонентов менталитета – религиозному. Вряд ли кто-то станет отрицать наличие и важность религиозного компонента в языковой картине мира. Отсюда следует, что этноментальные пространства разных народов могут быть основаны на единых религиозных представлениях. Например, Православие исповедуют в России, Болгарии, Греции, Англии, США, Японии и т. д. В этих странах распространены разные языки, разные культуры и традиции, но есть часть граждан, исповедующих одну и ту же религию. Есть ли что-то общее в их менталитете и если есть, то как это общее проявляется в речи – вот вопросы, на которые можно ответить, объединив усилия ученых разных стран. И, напротив, могут ли в рамках одного этноментального пространства исповедоваться разные религии (например, в России или США, где существуют многочисленные группы верующих, представителей всех мировых религий и различных конфессий)? Таким образом, цель данного исследования – проанализировать, как религиозная составляющая менталитета проявляется в речи; является ли сам факт веры или неверия релевантным для речевого поведения человека. В одной небольшой статье невозможно детально осветить всю проблему, поэтому мы рассмотрим частный случай: отражение рели-

гиозных представлений народа в наименовании географических объектов. На примере русского языка проанализируем топонимы, появление и бытование которых связано с Православием.

Топонимы – не только географические термины, они содержат в своей семантике яркую культурно-историческую информацию. Об этом писали известные специалисты в области ономастики, этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, М. В. Горбаневский, В. И. Супрун, Р. А. Агеева, Е. М. Верещагин, А. Ф. Журавлев, Е. Н. Березович, Г. М. Керт, В. П. Нерознак и другие.

Рассматриваемую группу топонимов можно разделить на две большие подгруппы. В первую входят топонимы, образованные от теонимов (Троицк, Богородицк), имен святых (Борисоглебск, Петропавловск), наименований Евангельских событий (Вознесенск, Успенское, Сретенка, Рождественское), важнейших христианских праздников (Воздвиженка, Покровское), а также имеющие в сложном наименовании компонент *свято-*, *бого-* и в составном наименовании *святой* (Святогорск, Богослово, Боголюбск, Святой Афон, озеро Святое). Вторую группу составляют топонимы, опосредованно связанные с религией, что не снижает их значимости. Это топонимы типа Дивеево, Валаам, Соловки, Печоры, Пюхтицы и другие, являющиеся названиями широко известных религиозных центров, ставших таковыми благодаря святым, основавшим там монастыри, либо чудотворным святыням, которые там хранятся.

Дадим определения, необходимые для дальнейшего рассуждения. *Теоним* – «собственное имя божества в любом пантеоне» (Подольская 1978, с. 131). В православной

традиции к теонимам относятся наименования Святой Троицы, Лиц Святой Троицы, Богородицы, Спасителя, Небесных бесплотных Сил (Ангелы, Архангелы, Серафимы, Херувимы и др.). **Агионим** – «имя святого» (Подольская 1978, с. 26). Такое определение термина *агионим*, данное Н. В. Подольской, кажется нам недостаточно точным. Греческие *agios* 'священный' и *опута* 'имя, название' позволяют более широко понимать термин *агионим* как любое имя собственное, связанное с обозначением святости. Таким образом, *агионим* – это составное наименование, служащее для именования лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения. В этом случае разряды агионимов представлены сложной системой, в которую входят **агиоантропонимы** (собственно имена святых), **агиотопонимы**, **фестонимы** (название церковных праздников), **храмонимы** (название храмов и монастырей), **иконимы** (наименование икон), – они составляют ономастическое пространство, объединенное значением *святости* (Бугаева 2006). То, что Н. В. Подольская называет агионимом, т. е. имя святого, мы предлагаем называть **агиоантропонимом**, под которым понимаем апеллативно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых. Многокомпонентный состав агиоантропонима включает в себя как обязательные, так и факультативные элементы, образуя агиоантропонимическую формулу. Агиоантропоним не равен антропониму. Когда мы слышим: «Ольга, Елена, Николай», – то вряд ли кто-то решит, что речь идет о святом. Агиоантропоним даже в обиходе – всегда составная единица, как минимум двухкомпонентная, что является

его существенным отличием от антропонима: *равноапостольная Ольга, Николай Японский, Максим Грек.*

Святость – одно из фундаментальных понятий христианского учения. «В качестве святых почитаются те, чья причастность к Богу была явлена церкви как достоверный факт» (Живов 1994, с. 93). К таким лицам относились первоначально апостолы, ветхозаветные пророки и патриархи, затем мученики, пострадавшие за Христа. Учение о почитании святых было принято на VII Никейском Вселенском соборе в 787 году. В христианстве существуют строгие правила канонизации святых.

Латинское *sacrum* 'святой' лежит в основании другого важного для религиозного мировоззрения понятия сакральности, в частности, сакрального пространства.

Для многих народов и религий мыслимое пространство не было чем-то единым. «Оно делилось на территорию, освоенную и измеренную в соответствии с господствующей религиозной доктриной, и остальное – аморфный и хаотический мир» (Немировский 1983, с. 168). Бытовали устойчивые представления, что при строительстве города, храма, дворца, дома создается обладающее особыми свойствами сакральное пространство, «получающее Божественное покровительство и поэтому особо благоприятное для жизни» (Кудрявцев 1994, с. 186).

О сакральной топонимике Руси писали В. Я. Дерягин, Е. Л. Березович, А. А. Минкин, И. И. Муллонен, Н. М. Теребихин и др. В частности, Н. В. Теребихин пишет: «Религиозная идея святости была одновременно и путеводной идеей русского народа, его национальным идеалом, воплощенным в образе Святой Руси как первообразе русского культурного ландшафта» (Теребихин 1993,

с. 12). «Святая Русь – это, с одной стороны, Небесный Иерусалим, невидимый град Китеж, а с другой – Русская земля, бытие которой не зависит от государственного устройства и границ», – писал игумен Иоанн (Экономцев) (Экономцев 1993, с. 28). Исследователи истории градостроительства крупнейших и важнейших христианских городов отмечают, что духовная и символическая связь Иерусалима прослеживается в строительстве таких городов, как Константинополь, Рим, Велико Тырново, Трир, Киев, Москва, Владимир. В градостроительной основе этих городов имеются черты уподобления Иерусалиму, сохранение символической композиции главных городских комплексов, построенных на кресте и треугольнике. По мнению М. П. Кудрявцева, символические основы Иерусалима как священного образца для градостроительства христианских стран следует искать в Св. Писании (Кудрявцев 1994, с. 187–189). Так в книге пророка Иезекииля (Иез. 48:31) приводится описание схемы города – квадратного по плану, с 12 воротами, расположенными крестом по трое на четыре стороны света, и священным храмом в центре города. Такой образ очень точно соответствует известному описанию видения Небесного Града в Откровении апостола Иоанна Богослова (Апок. 21:12–13, 17). Этой схеме полностью следует карта древнего Владимира. Градостроительная композиция многих древнерусских городов «являлась обобщением и богословским развитием опыта символического устройства городов» (Кудрявцев 1994, с. 189). Поэтому в центре древних русских городов обязательно есть Соборная площадь или Софийская, названная по храму Святой Софии-Премудрости Божией, т. е. Логосу-Христу. Обязательны были в крупных горо-

дах также Воскресенский храм (т. е. аналог храма Гроба Господня), Всехсвятский храм (аналог Соломонова храма «Святая Святых»), Успенский, Благовещенский, Троицкий храмы. Но стремление соединить Небесный град с земной реальностью не сводилось к воспроизведению реальной топографии Святой Земли, а выражалось в сохранении «иерусалимской» топонимики. Самым ярким примером этого может служить подмосковный монастырь Новый Иерусалим. Это – уникальное явление в истории культуры. Замысел его основателя патриарха Никона (1605-1681) заключался в том, чтобы воссоздать под Москвой на реке Истра образ Святой Земли – «Русские Палестины» – с точным подобием храма Гроба Господня. Подмосковный «Иерусалим» был задуман и реализован как архитектурно-ландшафтный комплекс, в который кроме монастыря входит зона искусственного ландшафта. Здесь тоже есть Сион, Фавор, Элеон, Гефсиманский сад, Кедронский поток. Часть реки Истры в зоне монастырского комплекса называется Иордан.

Заметим, что сакральные топонимы с определением «Новый» не ограничиваются только Новым Иерусалимом. Есть еще Новый Афон, Новый Валаам. Причина появления их как географических объектов и святых мест связана не только с духовными, но и политическими причинами. В частности, когда начались гонения на Православную Церковь в Советской России, часть насельников Валаамского монастыря, стремясь сохранить святыни, ушла в леса Финляндии, где основали Ново-Валаамский монастырь.

Учитывая сказанное выше, проанализируем, как идея сакральности про-

странства нашла свою реализацию в топонимике.

Но прежде следует ответить на вопрос, какие топонимы являются *агиотопонимами*, а какие – *сакральными топонимами*. Или те и другие совпадают, являясь лишь терминологическими синонимами? Предлагаем уточненное определение термина *агиотопоним*.

Агиотопонимы – это разряд топонимов, где в качестве основы для образования собственного имени географического объекта используются имена святых (*агиоантропотопонимы*), теонимы или названия церковных праздников (*агиохронотопонимы*): село Никольское, город Борисоглебск, Сергиев Посад, Санкт-Петербург, улица Якиманка (свв. Иоаким и Анна), город Троицк, город Благовещенск, улица Воздвиженка (в честь праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня), улица Сретенка (в честь праздника Сретения Господня) и т. д.

Далее следует обратить внимание на лексический фон топонимов. Столь авторитетные ученые, как Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, справедливо отмечают, что «ономастическая лексика (антропонимы, зоонимы, топонимы), казалось бы, должна обладать только номинативной функцией, будучи совершенно лишена функции кумулятивной. Тем не менее, национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам». Имя собственное, «может быть, действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным. Семантические доли имени собственного относят его к совокупности однородных имен и придают конкретному имени неповторимый облик» (Верещагин 1990, с. 56). При этом под **лексическим фоном** понимается

вся совокупность непонятных семантических долей, относящихся к слову, а совокупность понятных семантических долей образует **лексическое понятие** (Верещагин 1990, с. 43).

Все онимы в целом и топонимы в частности обладают групповой информацией, т. е. общей для всех, а не только жителей данной страны или носителей конкретного языка. Большинству людей известны топонимы Нью-Йорк, Рим, Париж, Альпы, Атлантический океан и т. п. Упоминание одних из них будут вызывать одинаковые или сходные ассоциации в сознании реципиентов: Голливуд – кинематографический центр, Париж – мировой центр моды, Хиросима – символ ядерного взрыва, Сахара – крупнейшая пустыня и т. д.

Другая группа топонимов вызывает разные ассоциации у носителей и неносителей языка, иностранцев, т. е. к общеизвестному словарному значению добавляется лексический фон. Именно лексический фон является предметом изучения и комментирования в лингвострановедении. Например, *Полтава* для русских не только название города, но и устойчивая ассоциация с воинской славой русского оружия. Эта ассоциация закреплена во фразеологизме *разбить как шведов под Полтавой*. Приведем еще один пример. Название городов Ростов Великий, Переяславль, Ярославль, Владимир, Суздаль соотносятся с Золотым кольцом России, туристическими маршрутами, с многочисленными историческими памятниками, древними церквями и музеями. Но есть еще одна особенность лексического фона топонимов, выделяемая в социальной группе православных христиан. Это связано с восприятием и оценкой топонимов, в той или иной мере связанных с религией. Во-первых,

православные, в отличие от неверующих, иначе воспринимают топонимы типа Архангельск, Петропавловск, Благовещенск и т. п. Эти топонимы обладают внутренней формой, которая большинству носителей современного русского языка не «раскрывается», не кажется важной, т. е. топоним для большинства выполняет только номинативную функцию, называет, например, город Архангельск, который отличается от города Мурманска. Для православных верующих, как показывают наблюдения за устной речью и анализ художественных произведений, внутренняя форма топонима осознаваема, значима, часто носит сакральный смысл, восходящий к понятию «Святая Русь – удел Пресвятой Богородицы». Таким образом, топоним, имеющий лексический фон, выполняет помимо номинативной функции еще кумулятивную и директивную, в терминологии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (Верещагин 1990, с. 10).

Собственно *агиотопонимы* можно разбить на следующие группы. В первую группу входят наименования городов по агиоантропониму. Например, города Санкт-Петербург, Петропавловск, Борисоглебск. В западной христианской традиции тоже есть аналогичные примеры: Сан-Франциско, Сан-Диего, Санта-Барбара и др. Интересны случаи вторичного наименования города по уже существующему агиотопониму. В Донецкой области (Украина) есть город Святогорск, названный так по Свято-Успенской Святогорской Лавре, находящейся там. В свою очередь, Лавра была названа в честь Святой Горы Афон (Греция).

Во вторую группу включаются наименования урбанонимов (площадей, улиц, переулков) по *храмониму* (названию храма). Таких примеров очень много во всех старин-

ных городах православного мира. Если посмотреть на карту Киева, легко заметить, что Андреевский собор находится на Андреевской площади, оттуда же отходят Андреевская улица и знаменитый Андреевский спуск. А Софийский собор, один из древнейших каменных соборов, датируемый XI веком, расположен на Софийской площади, о которой писала А. Ахматова:

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.

Приведем примеры названий московских улиц: Ильинская (вариант Ильинка), Золотушская, Георгиевская, Ольгинская, Ириновская, Трехсвятительская, Кирилло-Мефодиевская и др. соотносятся с наименованиями храмов, которые находятся или находились на этих улицах.

Третья группа – наименования сельских населенных пунктов по храмониму. Так, село Сергиевка названо по Свято-Сергиевскому монастырю, село Константиновка – по монастырю равноапостольных Константина и Елены. Примеры можно множить: «Так началось служение Господу иерея Василия Кудашова, сегодняшнего настоятеля храма Преображения Господня в поселке Преображение» (газ. «Приморский благовест, № 2 (128), 2006); «На рождественский сочельник мы поехали в Покровку. Пригласил нас настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы отец Григорий Ц.» (из частного письма, янв. 2005).

Четвертая группа – наименования урбанонимов, восходящих к основным евангельским событиям и фактам церковной истории, двенадцатым православным праздникам: улицы Рождественка, Воздвиженка, Сретенка, Покровка и т. д. Не всегда мотивы

номинаций бывают понятными современному человеку. Так, для этимологизации урбанонима Зачатьевский переулочек, на котором находится Зачатьевский ставропигиальный монастырь, следует знать, что он освящен в честь библейского события – зачатия праведной Анны, матери пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня.

Все разновидности (подтипы) **агионима** выстраиваются в следующий ряд: **теоним** или **агиоантропоним** (преподобный Сергей, игумен Радонежский, всея Руси чудотворец) – **иконим** (икона преподобного Сергия Радонежского) – **храмоним** (храм преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе) – **эортоним**¹ (25 сентября/8 октября Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца) – **агиотопонимы**. Агиотопонимы могут быть представлены **астионимами**² (город Сергиев Посад), **годонимами**³ (улица Сергия Радонежского, Сергиевский переулочек), **агоронимами**⁴ (площадь Сергия Радонежского), **комонимами**⁵ (село Сергиевка).

Такой метод номинации одни ученые называют «блочным принципом» (Поспелов 1993, с. 128), другие – использованием «социально-символического кода» (Лотман 1987, с. 11), третьи – «эмблематическим» (Голомидова 2004) и т. д. Но во всех определениях и комментариях к ним наблюдается одна и та же неточность. Считается, что основой агиотопонима служит наименование церкви, а от ее названия происходит наименование улицы, площади, переулочка, спуска и т. д. Подобное утверждение верно

лишь отчасти. Требуется одно важное уточнение: в основе всех агиотопонимов лежит теоним или агиоантропоним. Церкви освящаются и получают свое наименование либо по теониму (обычно опосредованно через евангельские события, связанные со Спасителем или Богородицей, например: Христорождественский храм, Воскресенский, Введенский, Успенский и т. д.), либо по агиоантропониму (Ирининский храм, храм царевича Димитрия, Космодамианский, Елизаветинский, Марфо-Мариинский). Встречаются и сложные наименования, когда в состав композита входят теоним и агиоантропоним (Свято-Троице-Сергиева Лавра). Следовательно, наименование урбанонимов по названию храма – это явление вторичной номинации, или трансонимизации. Представляется, что такой способ многоступенчатой номинации можно сравнить с генеалогическим древом, поэтому мы предлагаем его назвать способом *древовидной номинации*.

Следует предостеречь от поспешных выводов, которые иногда могут сделать молодые краеведы. Например, Андреевская улица в Санкт-Петербурге получила свое название не от Андреевской церкви, как можно было бы предположить, а по фамилии землевладельца, владевшего данным участком земли, на котором шло городское строительство (Алексеев 2003, с. 45). Процесс наименования улиц в разные исторические периоды имел свои традиции. Известны случаи замены урбанонимов, причем не только такие массовые как в России после октябрьской революции или в годы пере-

¹ Эортоним – имя собственное, обозначающее церковные праздники.

² Астионим – имя собственное, обозначающее названия городов.

³ Годоним – имя собственное, обозначающее названия улиц, переулочков.

⁴ Агороним – имя собственное, обозначающее названия площадей.

⁵ Комоним – имя собственное, обозначающее название сел и деревень.

стройки. Так одному из мостов в Санкт-Петербурге 20 апреля 1738 года было присвоено название Рождественский мост (в написании, принятом в XVIII веке) по церкви Рождества Богородицы, стоявшей близ моста на месте Казанского Собора. Но современное название дано по Казанскому Собору.

Для религиозной коммуникации характерно символическое употребление некоторых наименований, которые становятся прецедентными и составляют группу сакральной топонимики. К таким прецедентным топонимам, значимым для православного менталитета, относятся *Иерусалим, Афон, Бари, Саров, Дивеево, Валаам, Соловки, Оптина пустынь*. В последние годы, после прославления Царственных мучеников, добавилась *Ганина Яма*, иногда называемая *Русской Голгофой*. Если мы слышим из уст верующего человека, что он ездил в Дивеево, то сразу становится понятно, что он там был не в гостях у родственников или знакомых, а совершал паломничество в Серафимо-Дивеевский монастырь, основанный и прославленный преподобным Серафимом Саровским. Еще один пример из рассказа К. Паустовского «Третье свидание»:

Из Казимежа мы поехали в Ченстохов. (...) Я хочу повторить о Ченстохове то, что, может быть, неизвестно части читателей. А именно, что Ченстохов – это цитадель католичества в Польше, священная Мекка для верующих поляков. (...) В Ченстохове на холме Ясна Гура высится старинный католический монастырь-крепость. В этом монастыре хранится величайшая католическая святыня – икона Ченстоховской Богоматери («Матка Боска ченстоховска») с разрубленной татарской шашкой щекой. Ее считают чудотворной и в честь ее совершают пышные и многолюдные службы.

В этом фрагменте рассказа К. Паустовского четко определены все интересующие нас

параметры: есть святыня, есть город, в котором эта святыня хранится, есть две категории людей, верующие и неверующие. Наименование города становится прецедентным наименованием для части людей, в данном случае, для верующих. Комментарии необходимы только неверующим, которым название города Ченстохов ни о чем не говорит. Для них этот топоним не имеет лексического фона, он информативно не нагружен. Для верующих – это знаковое, символическое место, куда едут не на экскурсию, а для поклонения конкретной святыне. Заметим, что, хотя в рассказе речь идет о поляках-католиках, икона Божией Матери Ченстоховская известна не только в Польше, не только среди католиков разных стран, но почитается и православными во всем мире. День празднования иконы Божией Матери Ченстоховской приходится на 6/19 марта (Православный 2004, с. 24).

В приведенных выше примерах топоним получил дополнительное фоновое значение благодаря той святыне, которая там находится. Рассмотрим другие случаи, когда географический объект называется по святыне, другими словами, происходит метонимическое наименование, широко распространенное в разговорной речи церковных людей. В качестве примера приведем диалог, состоявшийся между двумя кандидатами филологических наук в одном из вузов Москвы:

– Вот информационное письмо о конференции, которое я обещала принести

– Спасибо, вот и хорошо. Съездим к Петру и Февронии, а то сами никогда не выберемся.

Воцерковленным людям сразу становится понятно, что конференция состоится в городе Муроме Владимирской области, где

находятся мощи благоверного князя Петра и благоверной княгини Февронии. Они стали образцом христианского брака и супружеской верности. Скончались в один день и по завещанию были похоронены в одном гробу. Еще примеры метонимических наименований городов и сел по святыням. Так, в прицерковном круге часто можно слышать такие советы: *Давай на выходные съездим к Тихону Задонскому; Сходи к матушке Матронушке, помолись; Ей надо обязательно к «Всецарице» сходить, молебен отслужить, маслица взять; Поезжайте к «Неупиваемой чаше», скольким уже помогло*. Прокомментируем эти примеры. В первом случае – приглашение поехать в город Задонск Липецкой области, где в Рождество-Богородицком монастыре покоятся мощи святителя Тихона Задонского. Вторая рекомендация – пойти к Матронушке – означает, что собеседник советует посетить Свято-Покровский монастырь в Москве, где находятся мощи блаженной Матроны Московской, прославившейся даром прозорливости и исцеления от разных болезней. В третьем случае содержится совет посетить Новоспасский монастырь в Москве, где хранится чудотворная икона Божией Матери «Всецарица», перед которой молятся в надежде на помощь при онкологических заболеваниях. В последнем примере речь идет о городе Серпухов Московской области, где в Высоцком Богородицком монастыре находится икона Божией Матери «Неупиваемая чаша», к которой с молитвами обращаются при алкоголизме. Как видим, агиоантропонимы и редуцированные наименования икон заменяют традиционные географические названия. При этом образное метонимическое переименование абсолютно понятно

в определенной социальной группе. Приведем литературный пример такого случая из стихотворения М. Цветаевой:

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянным Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Чтобы понять эти строки, необходимо знать (и рассказать учащимся), что храм иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» находится в Марьиной роще в Москве. (Построен в 1899–1904 гг. на земле, подаренной графом А. Д. Шереметьевым. Архитектура выдержана в стиле древнерусских храмов XVII века. В настоящее время это один самых любимых москвичами храмов.)

Встречаются противоположные явления, когда храм называется не по имени святого, иконы Божией Матери или праздника, в честь которых он освящен, а по названию улицы, на которой расположена эта церковь. В качестве примера приведем диалог двух женщин средних лет: – *Очень мне надо повидать отца Александра, как бы его найти?* – *Это просто. Он либо в Пыжах, либо в Кузнецках* (запись 2004 г.). Чтобы понять этот разговор, надо знать, что речь идет о двух храмах, освященных в честь святителя Николая, архиепископа Мир Ликийского. Один из них находится на улице Большая Ордынка, другой – на Новокузнецкой улице. Сложность заключается в том, что в Москве насчитывается более 40 храмов, освященных в честь святителя Николая, архиепископа Мир Ликийского, 12 – в честь св. Георгия Победоносца, 6 храмов – в честь великомученика Пантелеимона Целителя, 4 – в честь святого благоверного великого князя Александра Невского и т. д. Кроме того, есть четыре Андреевских храма, но два из них посвящены апостолу Андрею Первозван-

ному, еще один – прп. Андрею Рублеву, а последний – Андрею Стратилату. Список можно продолжить. Чтобы дифференцировать одноименные храмы, в формульную структуру их наименования вводится один из видов урбанонимов: наименование улицы или района города. Например: храм Воскресения Словущего на Арбате, Воскресения Словущего в Крутицах, Воскресения Словущего на Успенском Вражке и т. д. Обычно в разговорной речи полное наименование не встречается, частотны сокращенные формы – редуцируется общая часть и остается дифференциатор, способный точно указать место.

Вернемся к нашему диалогу. Полные формулы наименования храмов редуцируются до устаревших топонимов, обозначающих наименование слобод или микрорайонов в старой Москве (например, Кузнецкая слобода). Так в православной среде сохраняются старинные наименования, образуя исторические пласты городской топонимики

Подведем итоги. Во-первых, сакральную топонимику составляют агитопонимы, восходящие по своему происхождению к теонимам и агеоантропонимам, а также прецедентные топонимы, содержащие в своей структуре религиозную семантическую долю. Все топонимы, входящие в разряд

сакральной топонимики, обладают лексическим фоном.

Во-вторых, происхождение большинства агитопонимов объясняется результатом трансонимизации.

В-третьих, метонимическое использование агитопонимов широко распространено не только в разговорной речи, но и в художественной литературе, что говорит об универсализме такого типа номинаций в религиозном дискурсе.

В-четвертых, «обычные» топонимы, благодаря метонимизации, становятся прецедентными наименованиями в православной среде, образуя собственную группу в составе сакральной топонимики.

Важным является и тот факт, что православная традиция сохраняет древние топонимы, выполняя функцию своеобразного исторического консерванта. Для адекватного понимания текстов, как разговорных, так и литературных, необходимо знание лексического фона топонимов, восходящих к религиозной тематике. Христианское духовное сознание, религиозное мировоззрение естественно отражается в речи верующих, как отражалось в прежние времена, находя проявление в градостроительстве и сакральной топонимике, в стремлении устроить земной город по образцу Града Небесного.

Литература

АЛЕКСЕЕВ, С. В., 2003. *Топонимический словарь Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург.

БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л., 1997. Библейская лексика в топонимии русского Севера. *Ин: Известия Уральского гос. ун-та*. № 5, 77–87.

БУГАЕВА, И. В., 2006. Номинация святых в русской православной традиции. *Ин: Отв. ред. А. А. АЛЕКСЕЕВ. Материалы XXXV Международной филологической конференции 13–18*

марта 2006 г. «Библия и христианская письменность». Санкт-Петербург, 23–33.

ВЕРЕЩАГИН, Е. М.; КОСТОМАРОВ, В. Г., 1990. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. 4-е изд., перераб. и доп. Москва.

ГОЛОМИДОВА, М. В., 2001. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга *Ин: Известия Уральского*

гос. ун-та. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. Ономастика: общие вопросы. Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0020\(01_04-2001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a03&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0020(01_04-2001)&xsl=showArticle.xslt&id=a03&doc=../content.jsp) [См. 05.07.2006].

ГОРБАНЕВСКИЙ, М. В., 1987. *В мире имен и названий*. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Москва.

ДЕРЯГИН, В. Я., 1998. *Топонимика и ономастика Ферапонтова монастыря*. Москва.

КОЛЕСОВ, В. В., 2004. *Язык и ментальность*. Санкт-Петербург.

КУДРЯВЦЕВ, М. П., 1994. *Москва – Третий Рим*. Москва.

ЛОТМАН, Ю. М., 1987. Символ в системе культуры. *Ин: Учен. зап. Тарт. гос. ун-та*. Вып. 754.

МИНКИН, А. А., 1993. Русская святость в Московской топонимике. *Ин: Отв. ред. Р. А. АГЕЕВА; А. В. БАРАНДЕЕВ. Топонимика России*. Москва, 88–93.

НЕМИРОВСКИЙ, А. И., 1983. *Этруски. От мира к истории*. Москва.

ПОДОЛЬСКАЯ, Н. В., 1978. *Отв. ред. А. В. СУПЕРАНСКАЯ. Словарь русской ономастической терминологии*. Москва.

ПОСПЕЛОВ, Е. М., 1993. *Названия городов и сел*. Москва.

Православный церковный календарь. Москва, 2004.

СУПРУН, В. И., 2000. *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Волгоград.

ТЕРЕБИХИН, Н. М., 1993. *Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство северно-русской культуры*. Архангельск.

ЭКОНОМЦЕВ, И. (игумен Иоанн), 1993. Православие и этнос в русской истории. *Ин: Путь православия*. № 1.

Irina Bugaeva

St. Tikhon's Orthodox Humane University

HAGIOTOPONYMS: A SPECIAL CASE OF REFLECTION OF MENTAL CAPACITY IN GEOGRAPHICAL NAMES

Summary

This article is dedicated to the analysis of the sacred toponymics as a means of expression of religious world-view. The definitions of mentality and mental capacity remain speculative. However, one important component is absent in all available interpretations. That is the religious component. In the article, the correlation of hagiotoponyms and sacred toponyms is examined, and illustrated by examples from literature and spoken language.

Specifications of defining the terms hagianym, hagiotoponym, hagioanthroponym are provided; for the first time the definition of festonym as a term is given, which describes celebrations in the structure of onomastics. The author comes to the conclusion that the sacred toponymics are made by hagiotoponyms going down to theonyms and hagioanthroponyms in their origin, as well as precedent toponyms containing a religious semantic part in their structure. All toponyms going under the category of sacred toponymics have a lexical background, i. e. knowledge which is necessary for adequate understanding of religious texts.

KEY WORDS: hagianym, hagiotoponym, hagioanthroponym, mentality, sacred toponymics.

Gauta 2006 06 26

Priimta publikuoti 2006 07 05